

28 сент. 1979 г.

ДАЛИ
ИСКУССТВА

У

НЕГО была особая, ни на кого не похожая способность проникать в душу зрителя, воплощая в частном сценическом образе все муки и сомнения своего времени. Да, Мочалов был феномен. Как никто, он наглядно проиллюстрировал своей театральной биографией, что «от великого до смешного один шаг».

Публика восхищалась им, несмотря на страшнейшие перепады в его игре. Особенно галерка прощала своему любимцу срывы за неповторимые мгновения, которыми он ее одаривал в минуты наивысшего, неожиданного вдохновения.

Мочалов и Щепкин — они были почти современниками — многие годы играли бок о бок, иногда в одной и той же пьесе. Мастер комедии Щепкин вел за собой роль, подчинял ее себе. А Мочалов? Нет, про Мочалова этого сказать никак нельзя. Зато он постигал то, что автор, может быть, только хотел раскрыть, но не раскрыл в своей пьесе, привносил в роль, которая ему была близка, многое от себя, от своего внутреннего состояния, и тогда он покорял всех. «Он не русский, не москвич, не Мочалов... — пишет Белинский, — а Гамлет или Отелло, чувствующий в своей душе все раны их души».

Начало XIX века. Театр становится неотъемлемой частью литературно-художественной жизни эпохи. После мрачных лет павловского царствования и в литературе, и на сцене начинает преобладать лирическое начало. Усиливается интерес к человеческой личности, к ее внутренним переживаниям, к субъективным размышлениям. И Павел Степанович Мочалов, актер и сын актера, своей игрой на сцене ярче других современников воплощал это лирическое начало — романтический дух.

1 сентября 1817 года в газете «Московские ведомости» появилось объявление: «Во вторник 4 сентября 1817 года будет «Эдип в Афинах», трагедия в пяти действиях, сочинение г. Озерова, в коей в роли Полиника будет дебютировать в первый раз П. Мочалов, сын актера С. Мочалова».

Дебют юного артиста (ему было всего 17 лет) превзошел все ожидания. По рассказам современников, очарованный игрой сына, старший Мочалов, вернувшись домой, сказал жене: «Авдотья, сними с сына сапоги... Твой сын гений, а гениям служить незачем».

Так началась артистическая карьера Павла Мочалова. Отныне слава будет идти за ним, не давая возможности актеру по-настоящему работать над ролями, чтобы выявить все заложенные силы. Пылкий, увлекающийся, слабый, искренний во всех своих проявлениях — таким встает Мочалов из сохранившихся о нем воспоминаний.

Сложилась актерская и не сложилась личная судьба Мочалова. Весь творческий его облик вполне соответствует известному афоризму «Наши недостатки — продолжение наших достоинств». То, что еще вчера восхищало людей в его игре, приводило их в восторг, восторг, назавтра, в другой роли, а иногда и в той же самой выглядело нелепо и неуместно. Но, может быть, к примеру, неумение заковать себя в латы, когда это необходимо, приводило к неожиданным сценическим эффектам, которые особенно нравились публике? Он иногда говорил нараспев, и вычурной манерностью мог казаться переход от тихого сладостного шепота любви к угрожающей ревности и злобно-радостному хохоту удовлетворенного мстителя... Его не называли баловнем судьбы, ибо трудно сказать, чего было больше в его театральной карьере — взлетов или падений. Пожалуй, в избытке и

того, и другого. И чем выше были взлеты, тем, разумеется, тяжелее падения.

Личная жизнь Мочалова оказалась несчастлива. Женился он на женщине, чуждой ему по всему своему складу. Она была дочерью владельца литературной кофейни Баженова. Кофейня помещалась близ Александровского сада, куда нередко заходил Мочалов в молодости, да и позднее тоже. Девушка из кофейни была кокетлива, хороша собой, она понравилась Мочалову, и он сделал ей предложение вскоре после знакомства. За свое легкомыслие Мочалов сурово полагался: жена не понимала его, не испытывала ни малейшего интереса к искусству. Между ними открылась бездна взаимного отчуждения, увеличивавшаяся с каждым годом. Возможно, именно неудавшаяся личная жизнь была одной из причин постоянной, непреходящей, душевнораздирающей тоски, которую Павел Степанович пытался победить отнюдь не оригинальным способом — питием...

В пьесах многих драматургов выступал Мочалов. Его герои принадлежали разным эпохам, разным нациям и разным социальным слоям, однако все они были близкими ему людьми — будь то немецкий офицер Фердинанд, греческий воин Полиник, австрийский барон Мейнау или датский принц Гамлет. 53 роли сыграл артист за свою жизнь в трагедиях, мелодрамах, комедиях... Но главный успех принес ему Шекспир. Мочалов начал выступать в трагедиях Шекспира еще тогда, когда они переводились с французских переделок, значительно искажавших оригинал.

Через пять лет после первого дебюта Мочалова в роли Отелло критик писал: «Публика видела в нем пламенного, страшного Отелло, и общий голос увенчал его справедливыми похвалами». Однако лучшими шекспировскими ролями Мочалова были Ричард III и Гамлет. Страстный почитатель мочаловского таланта Аполлон Григорьев так описывает артиста в сцене, когда Ричард соблазняет Анну у гроба короля Генриха:

«...мрачная, зловещая фигура хромого демона с судорожными движениями, с огненными глазами... Полностью бланжевый костюм исчезает, малорослая фигура растет в исполинский образ накого-то змея, удава. Именно змея: он, как змей-

преlestитель становился... с леди Анною, он магнетизировал ее своим фосфорически-ослепительным взглядом и мелодическими тонами своего голоса...»

В роли Ромео Мочалов успеха не имел. Он начал играть роль юноши уже в зрелом возрасте, что, конечно, не способствовало удаче.

«У Мочалова есть теперь две краски, которыми он берет выражать все великие создания Шекспира: Гамлета, Отелло, Ромео и проч. Эти краски на языке сценического искусства называются тихим голосом и кривоном... Вот два орудия, которыми Мочалов сработает любую трагическую роль».

Среди откликов на творчество Мочалова редко можно встретить спокойные, объективные. Видимо, свойства его таланта, его натуры вызвали или поклонение, или неприятие. И, однако, поклонялись ему лучшие люди времени, не принимали худшие!

22 января 1837 года в бенефис Мочалова первый раз на московской сцене был поставлен «Гамлет». Благодаря Мочалову «Гамлет» в переводе Николая Полевого стал русской, почти народной пьесой. Заглавная роль была необыкновенно важна для артиста: в его творчестве к тому времени наступила кризисная пора. Театральная публика не желала больше прощать актерские неудачи ради высоких достоинств истинного искусства. Театральная публика начала поклоняться «петербургскому богу» — Каратыгину. «Возможность разубедиться в этом представлялась нам мечтой старости, но несбыточной», — пишет Белинский.

И вот Мочалов берет за создание Гамлета на русской сцене. Его поклонники опасались, что неровный, искрометный талант Павла Степановича не выдержит масштаба этой сосредоточенной, философской роли. А его противники уверены были в провале: «ожидая увидеть пародию на принца датского».

Но на этот раз и те, и другие ошиблись. Мочалов полностью реабилитировал себя в глазах московского зрителя.

«...Мы только теперь поняли, — писал Белинский, — что в мире один драматический поэт — Шекспир и что только его пьесы представляют великому актеру достойное его попрание, и что только в созданных им ролях великий актер может быть великим актером».

Белинский увидел в Гамлете Мочалова гораздо больше силы и энергии, чем встречается у человека, который борется с са-

мым собой и подавлен тяжестью невыносимого для него бедствия. Меланхолии у мочаловского Гамлета было меньше, чем у шекспировского. Сам того не осознавая, Мочалов выступал не только как исполнитель, но и как творец традиции, по которой Гамлет не только активно мыслит, но и активно действует.

На своеобразность Мочалова в роли Гамлета указывал и верный почитатель артиста Аполлон Григорьев:

«Как великий инстинктивный художник Мочалов создавал портрет в своей манере, в своем колорите и, переходя в жизнь представляемого лица, играл все-таки «собственную душу».

Несколько раз Белинский видел «Гамлета» с Мочаловым, и каждый раз актер играл по-разному, акцентируя то одну сторону характера своего героя, то другую. Благодаря Мочалову гениальная трагедия Шекспира зазвучала в полную силу на русской сцене и сделалась любимейшим спектаклем театрального репертуара.

И, однако, на гастролях в Петербурге Мочалов, показавший своего Гамлета, вызвал холодное раздражение. Здесь был иной, «застегнутый на все пуговицы» зритель. Он не принимал открытого чувства. После игры Каратыгина, такой красивой, отделанной с ювелирной тщательностью, петербуржцы не могли принять неровную, излишне искреннюю манеру Мочалова.

Павел Степанович покидал петербургскую сцену не под гром аплодисментов, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Зато у себя в Москве после Гамлета он пользовался любовью бескрайней: на его спектакли приходили, как на праздники. И славе его способствовал не только артистический гений, но и высокая душа.

По сохранившимся свидетельствам современников, Мочалов относился к Каратыгину доброжелательно, а Каратыгин к нему — подчеркнуто сдержанно. Однажды во время гастролей петербургского трагика в Москве, когда «мочаловцы» пытались освидетельствовать Каратыгина, Мочалов, находившийся в зале, встал со своего места и, повернувшись к публике, громко заявил: «Эй вы, мочаловцы, стыдитесь, не срамите себя!» — и громко стал сам аплодировать Каратыгину. С большой теплотой относился Мочалов к начинающим актерам, часто выезжал на гастроли в провинцию, где его всегда встречали с распростертыми объятиями. Творческой атмосфере, окружавшей его личность, и влиянию его суждений многие из провинциальных актеров были обязаны своей артистической карьерой.

В декабре 1847 года Павел Степанович поехал на гастроли в Воронеж, а на обратном пути сильно простудился и заболел. 16 марта 1848 года Мочалова не стало. На похоронах артиста «стечение публики произошло небывалое: не только храм был переполнен, но и вся Ильинка запружена народом. Лавки все были закрыты, и торговля прекратилась...» За гробом Мочалова шли тысячные толпы... Соратник Мочалова по Малому театру Михаил Семенович Щепкин писал в те дни:

«Да, Россия лишилась могучего таланта... мы уже не услышим тех потрясающих душу звуков, не увидим тех восторженных мгновений, которые часто прорывались сквозь его нелепые формы».

Видимо, высокие минуты мочаловского гения настолько завораживали зрителя — и даже такого, как Щепкин, — что прощались «нелепые». Более того, со временем это нелепое, неровное, мученическое в сценическом облике Павла Мочалова вошло в легенду об актере, рядом с именем которого навсегда появился эпитет «великий».

Ада СКОНЕЧНАЯ

ПАВЕЛ МОЧАЛОВ